

Для шестилетнего ребёнка подобный переворот стал жестоким ударом, оставившим на сердце глубокие шрамы и заставившим его повзрослеть слишком рано. Ведь зрелость зависит не от возраста, а от того, через что человеку пришлось пройти.

Однако эти испытания, казалось, лишь ожесточили Лэй Лижэня, поселив в его душе мрачную злобу. Го Нуань задрал голову, разглядывая мальчика. Неужели ничего нельзя исправить? Раз этот мир уже начал отличаться от сюжета «Боевого зла», то и характер будущего тирана мог измениться.

Судя по тому, как Лэй Лижэнь относился к нему, мальчик вовсе не был безнадёжным злодеем.

Трактирщик высунулся из-за стойки, окинул взглядом смирно сидящего на полу Го Нуаня, что-то прикинул в уме и спросил:

— Не кусается?

Го Нуань растерялся. Он и сам не знал, как сейчас выгоднее себя повести: оскалить зубы или, наоборот, прикинуться самым безобидным существом на свете.

— Не кусается, — ответил за него Лэй Лижэнь.

Трактирщик недовольно покачал головой:

— А надо бы. Пусть злобным будет — на воротах сидеть. Будет двор охранять, а мы за это выделим ему миску объедков с кухни.

Вот это удача! Го Нуань заскулил от радости и принялся легонько прикусывать штанину Лэй Лижэня, словно умолая: «Ну же, похвали меня!»

Заметив этот преданный, выжидающий взгляд, Лэй Лижэнь смутился, не зная, что сказать.

Го Нуань мысленно вздохнул. С него станется — парень всегда был неразговорчивым и неотёсанным.

— Решено, — отрезал хозяин. — Ночевать будете в хлеву. Скотину мы распродали, так что теперь там склад для старого хлама. Мальчишка будет помогать по хозяйству, а пёс — стеречь порог. Если кто вздумает уйти не заплатив, спускай на него кобеля.

Раздав указания, трактирщик махнул рукой:

— Всё, проваливайте, за работу.

Напоследок хозяин ещё раз смерил Лэй Лижэня придирчивым взглядом:

— Ладно, выглядит опрятно. Но учти: если разозлишь гостей или разобьёшь тарелку — вычту из жалованья.

«Вычитать из пяти монет в месяц?! Ну и скряга!»

Го Нуань мысленно зарычал от негодования.

Лэй Лижэнь послушно кивнул и, следуя приказу хозяина, направился на кухню, чтобы разыскать там повара Ван Маня.

Ван Мань заведовал кухней в трактире «Лайфу». Готовил он посредственно, но для человека, обделённого талантом к боевым искусствам, ремесло повара оставалось единственным способом не протянуть ноги.

Ван Мань полностью оправдывал своё имя: этот тучный великан казался вдвое шире и выше Лэй Лижэня.

Го Нуань послушно устроился у входа. Стараясь не мозолить глаза постояльцам, он не лаял без нужды, а лишь тихо сидел на пороге, бдительно осматривая улицу и ожидая момента, когда его помощь действительно понадобится.

Неподалёку, привалившись к стене в тени, безмятежно спал старый нищий Чжан Мяо, так что за него можно было не беспокоиться.

Больше всего Го Нуань переживал за Лэй Лижэня. Даже в его родном, куда более цивилизованном мире заставить девятилетнего ребёнка выполнять тяжёлую грязную работу посчитали бы дикостью.

Лэй Лижэнь зашёл на кухню. Он на миг оторопел, увидев огромное брюхо повара, превосходившее размерами самого мальчика, но внешне остался совершенно спокоен.

Ван Мань, помешивая что-то в чадающем котле и услышав шаги, принял вошедшего за помощника, Ван Мацзы. Не оборачиваясь, он проворчал:

— Чего копаешься? Забирай готовое на том столе и тащи в зал.

Трактир «Лайфу» был крошечным, под стать самому посёлку Селань. Кухня здесь держалась на одном человеке, и Ван Мань вполне справлялся со всеми заказами в одиночку.

Лэй Лижэнь перевёл взгляд на плиту. Там исходили паром две тарелки с незатейливым цветочным узором — дешёвая посуда местного производства, которую можно было встретить в каждом доме посёлка Селань.

Ван Мань на секунду замер. Обычно острый на язык Ван Мацзы сразу начинал препираться, а тут в помещении стояла подозрительная тишина. Повар резко обернулся.

Увидев перед собой чужого, опрятно одетого, но явно истощённого ребёнка, он мгновенно вспыхнул. Замахнувшись тяжёлой, как лопата, ладонью, Ван Мань взревел:

— Это ещё откуда нарисовался, поберёныш? Стянуть чего решил?

Задняя дверь на хозяйственный двор была приоткрыта, и повар решил, что к нему пробрался уличный воришка.

Лэй Лижэнь едва успел уклониться от удара. В этот момент на кухню влетел Ван Мацзы и вовремя перехватил руку повара:

— Старший брат Мань, стой!

Услышав знакомый голос, Ван Мань неохотно опустил кулак, но продолжал сердито сопеть:

— Да этот щегол только что с улицы зашёл! Наверняка прибежал пошарить по кастрюлям!

— Ошибаешься, Старший брат Мань, — поспешил объяснить Ван Мацзы. — Это наш новый помощник. Хозяин только что взял его на работу. В последнее время гостей прорва, я один совсем запыхался.

Ван Мацзы заподозрил неладное, когда увидел, как незнакомый мальчик направляется напрямиком к плите. Расспросив хозяина, он понял, что парня наняли в помощь.

Мальчик выглядел так, словно привык к роскоши и заботе, и Ван Мацзы невольно задался вопросом: какая беда заставила его пойти в услужение в заштатный трактир? Опасаясь, что угрюмый новичок не сработается с грозным и вспыльчивым Ван Манем, он решил присмотреть за ним.

И не прогадал — этот вспыльчивый дуралей чуть не избил ребёнка, даже не выслушав.

Заступничество Ван Мацзы мгновенно остудило пыл повара. Ван Мань смягчился, хотя всё ещё недовольно ворчал:

— Хватит болтать, забирайте тарелки и проваливайте в зал.

Голос повара по-прежнему звучал грубо, но Ван Мацзы лишь весело усмехнулся:

— Вот и ладно. Этого громилу зови Старшим братом Манем, а меня — братом Мацзы. Он у нас парень громкий и вспыльчивый, но ты его не бойся, это он только с виду такой страшный.

— Ладно тебе... — буркнул Ван Мань, возвращаясь к очагу. Лэй Лижэнь заметил, как густо покраснел затылок повара.

Ван Мацзы хохотнул, бесцеремонно шлёпнул повара пониже спины и подмигнул:

— Давай, трудись, ненаглядный.

Лэй Лижэнь замер в лёгком замешательстве. В силу возраста он мало что смыслил в подобных вещах, но даже ему стало ясно: этих двоих связывали куда более близкие узы, чем простая дружба.

Заметив ошарашенный взгляд мальчика, Ван Мацзы добродушно рассмеялся:

— Всё верно понял, паря. Мы с ним — пара.

«Пара?»

Лэй Лижэнь едва сдержал удивление. На всём континенте Цзолань подобные союзы презирались. Разве что столичные вельможи порой заводили себе смазливых наложников ради забавы, но никто не относился к этому всерьёз. Обычные же люди считали такие отношения противоестественным уродством.

— Эй, малец, — Ван Мацзы шутливо щёлкнул Лэй Лижэня по лбу, заставив того очнуться от мыслей. — Как думаешь, что вообще такое любовь?

Ван Мань натужно прокашлялся у плиты:

— Перестань. Он же совсем ребёнок, побойся богов.

Однако Ван Мацзы и ухом не повёл, продолжая гнуть своё:

— Разве истинное чувство зависит от того, мужчина перед тобой или женщина? Разве смотрят на богатство, сословие или чужие пересуды, когда любят по-настоящему?

Лэй Лижэнь медленно покачал головой. Его мать, Вэнь Ваньчжи, тоже когда-то грезила о чистой любви — одной на всю жизнь. Но этот красивый сон разбился вдребезги о жестокую реальность.

— Если двое искренне преданы друг другу, никакие условности этого мира не смогут их разлучить. Наступит день, и ты встретишь своего человека. И как бы ни менялись чувства со временем, сама способность делить одну судьбу на двоих — это и есть высшая любовь.

Лэй Лижэнь заворожённо смотрел на Ван Мацзы. Лицо у того было самым заурядным, усыпанным оспинами, а взгляд поначалу казался тусклым — обычный, ничем не примечательный трактирный слуга, каких тысячи.

Но сейчас он смотрел с такой неистовой, живой силой, что мальчику показалось, будто перед ним совсем другой человек. Подобный взгляд никак не вязался с этой невзрачной внешностью.

— Ну и зачем ты забиваешь ребёнку голову этой ерундой? — проворчал из своего угла Ван Мань.

Вместо ответа Ван Мацзы подхватил тарелку с исходящим паром блюдом и направился к выходу. Лэй Лижэнь взял вторую и поспешил за ним.

— Ты его не слушай, у него в голове одна солома, — заговорщицки шепнул Ван Мацзы, хотя Лэй Лижэнь не сомневался: посмей кто-то другой обозвать повара дураком, парень вцепился бы обидчику в глотку. — Просто мне показалось, что ты не из тех, кто рождён для такой грязной работы. Вот и разболтался. Не держи зла, если что не так сказал.

Мальчик промолчал. Это был первый раз после гибели матери, когда кто-то заговорил с ним так тепло и искренне, пытаясь подбодрить. Чувство было странным, непривычным, но эти простые слова Ван Мацзы глубоко запали ему в душу.

«Мир и без того погружён во тьму, — подумал Лэй Лижэнь. — Какая разница, что правильно, а что нет? Если обрести истинное могущество, никто не посмеет диктовать мне свою волю. Сильный сам решает, кого ему любить и как жить, а слабые могут лишь молча завидовать».

— Ладно, смотри, как надо подавать, и учись, — подмигнул Ван Мацзы.

Натянув на лицо самую радушную улыбку, он скользнул к одному из столов:

— А вот и ваше блюдо, почтенные господа! Приятной трапезы, кушайте на здоровье!

Поставив тарелку, он ловко откланялся и вернулся к Лэй Лижэню:

— Понял суть? Теперь твоя очередь. Неси вон к тому столику.

Лэй Лижэнь послушно сделал шаг вперёд, но выдавить из себя столь приторную любезность не смог. Поставив тарелку перед гостями, он произнёс сухо и отрывисто:

— Ваши блюда.

На континенте Цзолань те, кто не владел боевыми искусствами, считались отбросами общества. В трактире «Лайфу» собирались в основном практики боевых искусств, привыкшие к рабскому поклонению и лести со стороны простых людей. Высокомерный тон какого-то мальчишки-слуги показался им неслыханной дерзостью.

Один из сидевших за столом мужчин нахмурился и уже собирался отвесить дерзкому юнцу затрещину, когда Ван Мацзы коршуном метнулся наперерез:

— Господин, смилуйтесь! Простите дурака, он у нас первый день работает, совсем ещё глупый ребёнок! Не губите, проявите великодушие!

С этими словами Ван Мацзы угодливо наполнил чарку гостя до краёв:

— Попробуйте лучше наше фирменное жаркое из баранины. Мясо свежайшее, только утренний забой демонического зверя! Силы восстанавливает отменно, для вашего совершенствования — лучшее средство!

Аромат исходящего паром мяса демонического зверя мгновенно отвлёк разгневанного гостя, и тот потерял всякий интерес к Лэй Лижэню.

Отойдя в сторону, Ван Мацзы незаметно смахнул со лба холодный пот и увёл мальчика в тёмный угол зала.

— С ума сошёл? Тут сплошь практики боевых искусств, с ними шутки плохи. Одно неверное слово — и головы не сносить.

Он внимательно посмотрел на Лэй Лижэня. В мальчике не чувствовалось ни капли изначальной энергии. Очевидно, его жизнь дала глубокую трещину, но судьба жестока и редко спрашивает нашего согласия. Самое разумное в такой ситуации — смириться и приспособиться.

— Что бы ни стряслось с тобой в прошлом, — мягко добавил Ван Мацзы, — ты можешь всё изменить. Главное — захотеть. Это не так трудно, как кажется.

Помощник принялся терпеливо объяснять мальчику тонкости трактирного ремесла. Лэй

Лижэнь слушал с непроницаемым лицом, но не уходил и не перебивал.

Пожалуй, соглашаясь на эту грязную работу, он окончательно признал горькую истину: путь боевых искусств закрыт для него навсегда.

Го Нуань, притаившись у входа, внимательно наблюдал за этой сценой. Зал был маленьким, и весь разговор происходил у него на глазах.

В груди маленького жёлтого пса защемило от тоски.

<http://bllate.org/book/20621/2149309>